

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БЕЛЯКОВА*

**«От того Божий гнев на нас и многие казни и последний суд»
(к проблеме осмысления кризисных ситуаций
в православной книжности)¹**

BELYAKOVA, E. V.: „That is why the wrath of God came on us, as well as many executions and the last judgment” (to the issue of comprehending crisis situations in the Orthodox scholarship). *Slavica Slovaca*, 56, 2021, No 3, pp. 420-427 (Bratislava).

The article deals with the theme of God's punishments in the Old Russian written culture, which combines archaic and Christian perceptions. Shown are topoi as common places that pass from one text to another. The texts assert that “God's wrath” comes for non-observance of the commandments, while the punishment befalls not individuals, but the whole Earth. The Earth is punished by God also for the rulers' sins. From the Byzantine literary tradition came the theme of the episcopate's guilt for not keeping the commandments, which was included in the Commandment to the Bishops in the Kormčaja of the Russian handwritten version and in the printed one. In the teachings of the episcopate about calamities, there was a constant call to repentance, while in practice there was often a search for the guilty. In the 16th century, the authorities began to apply strict quarantine measures, which were not reflected as a part of cultural tradition and actually contradicted conventional perceptions. The teachings by Patriarch Joseph and Patriarch Nikon about the pestilence demonstrate different ways of approaching this subject.

„God's wrath”, topoi of Old Russian written culture, Kormčaja, episcopate, Bishop Serapion of Vladimir, patriarchs Joseph and Nikon.

Для средневековья «кризисные состояния»: «глад, губительство, трус, потоп, огонь, меч, междуусобные брани» – это почти повседневность. Прошения об избавлении от этих напастей постоянно звучат во время православных богослужений. В славянской православной традиции сложились определенные стереотипы восприятия этих бедствий. Несомненно воспроизводимые в литературных памятниках, они выражают сложный сплав архаичного и христианского сознания.

Кризисные состояния воспринимались в первую очередь как «казни Божии». Этому немало способствовали тексты Ветхого Завета. Для христианского сознания с его представлением о Боге, «не хотящим смерти грешников», возникает определенное противоречие в объяснении происхождения зла и Божьего всемогущества («теодицея») и появляется фигура дьявола, понимаемого как источник зла в Божьем мире. Неслучайно на Балканах Богомильство с его четким представлением о дьяволе как источнике зла получило широкое распространение и отразилось в фольклоре.²

* Белякова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Институт Российской истории Российской Академии наук. Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российский Государственный Гуманитарный Университет, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

¹ Работа над темой проводилась в рамках проекта, финансируемого РНФ, грант № 20-18-00218.

² Гечева, К.: Богомилството и неговото отражение в средневековна християнска Европа. Библиография. София: Издателство «Гутенберг», 2007. 389 с.

Возникшие в начальную эпоху славянской книжности тексты, трактовавшие Божий наказания, не только неоднократно воспроизвелись, но и перешли в литературу нового времени. В одном из древнейших славянских поучений к священникам – Заповеди Иоанна Златоустого о законе церковном³ говорится о необходимости священникам следить за тем, чтобы паства приходила к церквам, чтобы не вызывать Божий гнев: «Иже не приходить къ святеи церкви и не чюет святаго Евангелия и не почитает святых икон и книги и праздник святых, разгневается се нань Бог и вса злаа наведеть нань. Аще ли се поменеть и проходитъ въ церковь и почитает слугы Божие и Бог умилосердится на нь и обогатеет и душа его спасет се, и не боится диавола», т.е. посещение церкви трактовалось как способ отвратить Божью казни.

Статья «Слово о ведре и казнях Божиих» вошла в состав славянского «Златоструя», создание которого связано, согласно «Прилогу» к спискам пространной редакции, с болгарским царем Симеоном.⁴ «Слово о ведре и казнях Божиих» имеет своим прообразом «Слово Григория Богослова о избиении градом». В «Слове о ведре» говорится о живущих в беззаконии, «не помышляющи казни Божия, яже на ны по въся дъни приходят за грехи наша ведръом, градъм, гладомъ, моръмъ, бользъмъ, ратьми, напастьми». Этими казнями Бог «обращает ны к себе», т.е. Божии казни должны напомнить о вечных муках и заставить людей остановить беззакония. Как предполагал А. А. Шахматов, этот текст был переработан пр. Феодосием Печерским в Поучение и использован в известной летописной статье ПВЛ под 1068 г.⁵

В летописи статья была значительно отредактирована, в ней прозвучала не только тема Божьих казней, но и тема земли: «Наводить Бог по гневу своему иноплеменьники **на землю**, и тако скрушеным им въспомянуться к Богу; усобная же рать бывает от сважения дьяволя. Бог бо не хощет зла въ человекех, но блага, а дьявол радується злому убийству, кровопролитью, въздвигая свары, зависти, братоненавидения, клеветы. Земли же согрешивши которой любо, то казнить Бог смертью, или гладом, или наведением поганых, или ведром, или гусеницею, или инеми казньми Аще ли покаавшеся будемъ, в немже ны Бог велить быти, глаголеть бо намъ пророкомъ: «Обратитеся ко мне всимъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ».⁶ В древнерусском летописном тексте появился новый образ «согрешающей земли». Земля – это не только место жительства, это и тесно связанное с ней сообщество проживающих на ней людей. Человек сам часть земли в разных измерениях: «Земля еси и в землю отъидеш» (из канона на погребение). Епископ Владимирский Серапион (1274–1275) в проповеди в связи с землетрясением писал, что «земля, от начала утвержена и неподвижима, повеленъемъ Божиимъ ныне движеться, грехы нашими колеблется, безаконья нашего носити не можетъ».⁷

Тема Божьих казней пронизывает древнерусские тексты конца XIII в., в них повторяется мысль о том, что к бедствиям приводит несоблюдение Божиих заповедей. Послание Киевского митрополита Кирилла (Постановление собора 1273 г.) и послания Серапиона Владимира воспроизводят одни и те же топосы:

³ Jagić, V.: Sitna gradja za crkveno pravo. In: Starine, 1874, 6, с. 147-151; Белякова, Е. В.: Заповедь Иоанна Златоуста о законе церковном (к проблеме распространения канонических памятников). In: Stephanos, 2020, Vol. 41, № 3, с. 27-33.

⁴ Савельева, Н. В. – Турилов, А. А.: Златоструй. In: Православная Энциклопедия. Т. 20. Москва: 2009, с. 196-198.

⁵ Шахматов, А. А.: Повесть временных лет и ее источники. In: Труды Отдела древнерусской литературы. 1940, т. 4, с. 104-111.

⁶ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Москва: 1997, с. 167.

⁷ «Слова» Серапиона Владимира. In: Памятники литературы Древней Руси. XIII в. Москва: «Художественная литература», 1981, с. 440.

Митрополит Кирилл ⁸	Серапион Владимирский ⁹
<p>Кый убо прибыток наследовахом, оставльше Божия правила?</p> <p>Не расся ли ны Бог по лицю всея земля?</p> <p>Не взятии ли быша грады наши?</p> <p>Не падоша ли сильные наши князи остирем мечя?</p> <p>Не поведени ли быша в плен чада наша?</p> <p>Не запустеша ли святыя божия церкви?</p> <p>Не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?</p> <p>Си вся бывают нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отец</p>	<p>Чего не приведохомъ на ся? Какия казни от Бога не въсприяхом?</p> <p>Не плънена ли бысть земля наша?</p> <p>Не взяти ли быша гради наши?</p> <p>Не вскорѣ ли падоша отци и братъя наша трупиемъ на земли?</p> <p>Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнь?</p> <p>Не порабощени быхомъ оставшемъ горкою си работою от иноплеменник?</p> <p>Се уже к 40 лѣт приближаетъ томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади, морове живот наших, и в сласть хлѣба своего изъѣсти не можем, и въздыханіе наше и печаль сушать кости наша.</p>

Тема наказаний проходит через все послания епископа Серапиона: «Что потом бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя? Мы же единако не покаяхомъся, дондеже приде на ны язык немилостив попустившю Богу; и землю нашю пусту створша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашю избиша, матери наши и сестры в поруганье быша».¹⁰

В это же время в Кормчие русской редакции была включена и Заповедь епископам, которая почти целиком составлена из строк, заимствованных из 137 новеллы Юстиниана (87 глава из Собрания в 93 главах).¹¹

Глава 87 (новелла 137) ¹²	Заповедь епископам о хранении церковных правил ¹³
<p>Храняще бо священные каноны владыки Бога помощи съподобляются и си я преступающее сами себе в осужение вълагають.</p> <p>Большому же повинни осужению преподобніи епископы, имъ же поручено бысть искати каноны и хранити</p>	<p>Храняще бо священные каноны, владыки Бога помощи сподобляются, сия ж преступающе, в конечное осужение себе влагаютъ. Божествынъ бо правилом не схраниемъ, различна преступленья бывають: от того Божий гнев на нас и многыя казни и последний суд.</p> <p>Тому же всему повинни суть святители, не бдяще, ни стрегуще винограда, еже есть церкви.</p>

⁸ Русская Историческая Библиотека [РИБ]. Т. 6, № 6, Санкт-Петербург, 1908, с. 86.

⁹ «Слова» Серапиона Владимиrского..., с. 444.

¹⁰ «Слова» Серапиона Владимиrского..., с. 440.

¹¹ Белякова, Е. В.: К вопросу о судьбе Собрания Новелл Юстиниана в 93 главах в составе славянских Кормчих. In: Russica Romana, 2010, vol. XVII, с. 39-41.

¹² Бенешевич, В. Н.: Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Санкт-Петербург, 1907, с. 796.

¹³ РИБ. Т. 6, № 6, с. 127-128.

Слова о **Божием гневе и многих казнях** отсутствуют в тексте новеллы и являются дополнением русского редактора. Ответственность епископов за сохранение канонов и Божий гнев за несоблюдение канонов оказались тесно связанными в русской книжности.

Необходимо отметить, что Заповедь епископам стала важной составляющей всех Кормчих русской редакции (в Варсонофьевской она встречается два раза, в Софийской редакции – 3 раза). Она вошла и в Печатную Кормчую, хотя отсутствовала в основном протографе – Кормчей Даниловской редакции (ГИМ, Воскр. 28).¹⁴ Включение Заповеди в состав Печатной Кормчей 1653 года обеспечило этому тексту широкую известность и в новое время.

Тема казней от Бога за нарушение канонов звучит и в послании монаха Акиндина, датируемом 1312–1315 г. и обращенном к тверскому князю Михаилу Ярославичу: «Разумей боголюбче, державный княже, яко преслушания ради божественных номоканон святых апостол и сборных отеческих вся злая приходить на ны. Не падоша ли силни наши и ерееви наша остреем меча? Не преданы ли быша в полон чада наша в скверне руце? Не осквернена ли быша святая наша в опустение? Быхом в смех и поругание живущих окрест нас языком».¹⁵ Монах Акиндин добивался суда над митрополитом Петром, обвиная его в симонии.

Несмотря на призывы воспринимать мор как «Божие наказание» и очищать душу от грехов, как наставлял псковичей митрополит Фотий в 1426 г.,¹⁶ в кризисных ситуациях начинался поиск виноватых в нарушении Божиих законов. В одном поучении упомянутого выше епископа Владимира Серапиона осуждаются расправы народа над «волхвующими», которых бросали в воду в качестве испытания. В другом он возмущался попытками «утопля или удавленника выгнести». Этим языческим расправам противопоставляется покаяние: «Сим ли Божию казнь хощете утишити? Лучши, братья, престанем от зла, лишимъя всех дел злых: разбоя, грабленья, пьянства, прелюбодейства, скучости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушьства, гнева, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, резоиманья. Аз бо грешный всегда учю вы, чада, велю вам каятися».¹⁷

В древнерусских текстах звучит и тема наказания земли за грехи правителей. Самым выразительным является «Слово Святого Василия о судиях и властелях»: «Един тать на всю страну мръзить. Царь неправеден, все слуги под ним безаконны суть».¹⁸ В «Поучении епископле всем христолюбивым князем и всем правоверным христианином и боголюбивым»,¹⁹ построенном на новом переводе текста 88 новеллы, обличение правителей занимает существенное место, приводятся слова пророка Михея: «Судии емлють, князь грабить и изъядасть. Сильный сокрушасть немощнаго, заступающаго несть».²⁰ Власти обвиняются в том, что от других стран восприняли злые обычай: «мы же и закон истинн от Бога приемше, розных стран безаконии осквернихомся, обычая зла от них приемше <...> Виною наша похоти обычая, еже к ним казнит нас Бог». Обвинение возводится не на чужие страны, а на совершаемый грех: «Не есть кто винен злу, находящему на ны, но един грех и безумие наше».

¹⁴ Белякова, Е. В. – Мошкова, Л. В. – Опарина, Т. А.: Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. Москва – Санкт Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017, с. 210–211.

¹⁵ РИБ, т. 6, № 16, с. 157.

¹⁶ РИБ, т. 6, № 53, с. 469–470.

¹⁷ «Слова» Серапиона Владимира..., с. 454.

¹⁸ ГИМ, Чуд. 167, Л. 456. О «Слове»: Ржига, В. Ф.: Опыты по истории русской публицистики. In: Труды Отдела древнерусской литературы, 1934, т. 1, с. 43–46.

¹⁹ РИБ, т. 6, № 123, с. 845–856.

²⁰ РИБ, т. 6, № 123, с. 856.

Во время мора и бедствий многие пытались подготовить себя к смерти. В эту подготовку входил монашеский постриг и завещание имения монастырям. Об этом свидетельствует псковская летопись под 1352 г.: «Мнозе идяхо в монастыри, или мужи или жены, и постризахуся во мнишескии чин и аггельскому образу сподобляхуся, тела и крови Христови причастившеся, и таки въ добре исповедании преставляхуся от всяя временныя жизни на он вечныи свет к Богу».²¹ О массовом пострижении во время мора писал и митрополит Фотий в упомянутом выше послании. Для прекращения мора, чтобы утолить Божий гнев, возводили в один день «по многим местом» обетные церкви,²² чтобы утолить Божий гнев.

В позднее средневековье и раннее новое время, когда бедствия в стране продолжались, сложившиеся концепты их объяснений не только воспроизводились, но и становились уже предметом обсуждения и споров. Так, причиной казней, наводимых на землю, по-прежнему считались грехи правителей. Иосиф Волоцкий в послании архимандриту Андрониковскому Митрофану утверждает: «Занеже, господине, за государьское согрешение, Бог всю землю казнит».²³ Эта же тема обсуждалась Иваном Берсенем и Максимом Греком, что выяснилось уже на суде. «Да Максим же сказывает: да Берсень же, господине, мне говорил: «Максим господине, ведаешь и сам, а мы слыхали у разумных людей: которая земля переставляет обычни свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычни князь велики переменил, ино на нас которого добра чаяти?» И яз Максим Берсеню молвил: «Господине, котораа земля преступает заповеди Божьи, та и от Бога казни чает...».²⁴

В Никоновской летописи утверждалось, что все казни от Бога для того, чтобы привести людей к покаянию: «Милосердый Богъ паки возвращаще тварь свою на покаяние гладом, мором, нашествием иноплеменных, мразом, громом, мъниачи, сухмени, дожди велицыми; паче бо всего любит и желает спасения человеческаго».²⁵

Успешные действия русского войска против Казанского ханства и удачное строительство крепости Свияжска в 1551 г. сменилось мором среди войска. По этому поводу митрополит Макарий написал послание воеводам, объясняя, что гнев Божий вызван безобразиями, творящимися в войсках: «Зрите и разумейте мечь и ярость гнева Божия: колко множество человеческое различными страстью и казньми и смертоносием и потоплением в нынешнее время скончеваются вас. И аще о сем не уцеломудритеся, и впредь которые милости от Бога чаете? Но молю всех от всяя души со слезами: престаните от такового злого обычая! Или не весте, не сиа ли ради блудные страсти и многа нечестия и законо-преступления Божия наведе Бог потоп на вселенную и землю Содомьскую и Гоморскую <...>. А вы, о чада мои, честнии велможи и вси подручнии вам, аще будет хто в вас такова творящее, не тако ли Божий гнев наводит на себе и не уже ли начинаеца».²⁶

В апреле 1547 г. в Москве был страшный пожар, уничтоживший значительную часть города. Летописец объяснял это традиционно: «Сие бысть грех ради наших, в наказание нам от Бога послася, за умножение наших согрешений не пощади Бог толико множество святых церквей и образов святых своих; Божиим гневом сие бысть огненное пламя. В един час многое множество народу згореша. 1700 мужеска полу и женьска и младенец,

²¹ Псковская 1-я летопись. Архивский 1-й список. In: Псковские летописи. Вып. 1. Москва: Издательство АН СССР, 1941, с. 21.

²² См. напр. Никоновскую летопись под 1417 г.: ПСРЛ, т. XI. Москва, 2000, с. 233.

²³ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Москва – Ленинград: Наука, 1959, с. 176.

²⁴ Акты археографической экспедиции, т. 1. № 172. Санкт Петербург, 1838, с. 142.

²⁵ ПСРЛ, т. XI, с. 233.

²⁶ ПСРЛ, т. 13, с.182.

множество греша народа по Тверской улицы, и по Дмитровке, и на Большом посаде, по Ильинской улицы, в садех. Сиа вся наведе на ны Бог грех ради наших, понеже множеством съгрешихом и беззаконовахом. Бог же праведным своим судом приводяй нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо гладом, ово же убо ратных нахождением, ово убо мором».²⁷ Страшное бедствие вызвало поиск виновных и жестокую расправу над ними. 26 апреля толпа убила Юрия Глинского, так как его обвинили в поджоге: «Того же месяца 26 в неделю, в пятый день после великого пожару черные люди града Москвы от великия скорби пожарные въсколебашася, яко юроди, и пришедшее в град и на площади убиша камением царева великого князя Юрья Василиевича Глинского и детей боярьских многих побиша, а людей княже Юрьевых безчислено побиша и живот княжей разграбиша, ркуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша».²⁸

С начала XVI в. в Московской Руси начали применять меры против мора, «внутренние карантины», состоявшие в том, что людям не давали покинуть зараженное место.²⁹ Эти меры вызывали протест как противление Божьей воле, о чем свидетельствует послание старца Филофея дьяку Михаилу Мунехину, датированное издателями 1510–1519 г.: «вы ныне пути заграждаете, домы печатлеете, попом запрещаете к болящим приходить, мертвых телеса из града далече измещете». Старец приводил слова из упоминавшегося послания митрополита Фотия, о том, что Божий гнев может утишить только покаяние, и утверждал, что «аще бы от человек сия злоба была, всяко могли противиться ей, аще ли от Бога, то всуе труждаемся противящиеся Божию повелению».³⁰ Особенный страх вызывал запрет на последнее посещение умирающего его духовным отцом, что закрывало человеку надежду на спасение.

О новых тенденциях в понимании бедствий свидетельствуют сообщения о «лихом поветрии» 1567 года: «Лета 7075 сентября в 1 день в Можайску на Добрейском яму явилось лихое поветрие: умирали люди знаменем. И государь царь и великий князь заставу и сторожу велел круг того места учинити крепкую, ис тех мест никаких людей к Москве и в Московские города пропущати не велел и Божиим милосердием того же лета в тех местех то лихое поветрие утишилося».³¹

В летописном сообщении не было никаких указаний на Божий гнев, а была сделана попытка назвать болезнь и были указаны предпринятые меры против распространения болезни: не выпускать людей из мест, где распространялось поветрие. Ограничительные меры становились все более устрашающими и были направлены не только против носителей болезни, но и священников, смевших причащать умиравших. Как сообщает Новгородская вторая летопись, в 1572 г. в Новгороде людей «со знаменем смертоносия» «у церкви погребати не велети ... И поставили заставу по улицам и стороже, в которой улице человек умреть знаменем и те дворы запирали и с людми корымли техъ людей улицею. И отцем духовным покаивати тех людей знаменных не велели, а учнеть которых священик техъ людей и каяти, бояр не доложа, ино тѣхъ священников велѣли жещи с теми же людьми з болными».³² Такое распоряжение о сжигании духовных отцов вместе с больными могло

²⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 154.

²⁸ ПСРЛ, т. 13, с. 154.

²⁹ Васильев, К. Г. – Сегал, А. Е.: История эпидемий в России. Москва: Государственное издательство медицинской литературы, 1960, с. 41.

³⁰ Дополнения к Актам Историческим. Санкт Петербург: Археографическая комиссия, 1846, т. 1, с. 20.

³¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 404.

³² Владимирский Летописец. Новгородская Вторая (Архивская) летопись. ПСРЛ, т. 30, с. 159.

появиться только в страшные времена опричнины, когда бессмысленные казни следовали одна за другой.

В XVII в. смертной казнью грозили всем, кто пытался покинуть город во время мора.³³

В 1642 г. в Москве был издан сборник поучений патриарха Иосифа. Это было первое издание поучений действовавшего патриарха.³⁴ Текст Иосифа носил компилятивный характер: он был составлен почти целиком из Поучений к священникам, включенных в Кормчие, а также содержал «Слово о судиях и властелях». Поэтому в сборнике патриарха Иосифа представлены все топосы, относящиеся к Божьему гневу, известные по ранним Кормчим. Так, в них утверждалось, что «недостоинство бо иерейское паче всего сводит на люди гнев Божий» и только соблюдение заповедей может умилистировать Бога: «аще сице сохраните... и молитва Ваша услышана будет от Бога и земли нашей от иноверных бесерменских стран брань облегчится и милость Божия на вся страны руссия земли умножится, и пагуба и тли и плодом и скотом престанут, и гнев Божий утолится».³⁵

В 1654–1655 г. в Москве была страшная эпидемия чумы. Царь в это время находился в военном походе, патриарх Никон вывез царскую семью из Москвы. Были приняты меры, запрещавшие выезд из Москвы.³⁶ В связи с этими событиями патриарх Никон издал «Слово на моровое поветрие». В отличие от Сборника слов патриарха Иосифа в Слове патриарха Никона не использовались известные древнерусские компиляции на эту тему и это делало текст менее узнаваемым и менее выразительным для читателя, хотя он содержал множество цитат из Ветхого Завета и святых отцов, в частности, был приведен большой фрагмент из ответов Афанасия Александрийского, объясняющий происхождение морового поветрия. Ситуация принимала драматический характер и осложнялась тем, что патриарха Никона обвиняли в том, что моровое поветрие произошло из-за его действий, о чем он и писал в Слове: «А еже в также мимошедшая лета и моровое поветрие мнози купно и особы собирающеся о нас глаголаху неподобная, и грехи наша поминающе, их же точию не содеяхом». Отъезд с царской семьей из Москвы также ставили патриарху в вину. В самом начале слова патриарх Никон писал о неясности причин происхождения мора: «От чего, то един Бог Святый весть и никому о сем знати не належит, разве еже глаголати, яко не бывает злоба, сиречь скорбь, ни во граде, ни в селе, аще не Господь попустит, еже глад, губительства, недуги, и язвы, и иная, о них же много зде писати не належит». Патриарх доказывал, что нет греха в том, что он покинул Москву, потому что «от губительства бежат не точию несть грех, но и воли Божия исполнение». Он призывал людей не искать виновных моровому поветрию, не верить лжепророкам, не судить других, а каяться в собственных грехах, ходить на исповедь, причащаться.³⁷

³³ Васильев, К. Г. – Сегал, А. Е.: История эпидемий в России..., с. 75.

³⁴ Голубцов, А. П.: Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа, патриарха Московского. In: Прибавление к Творениям св. Отцов, ч. 42, кн. 4. 1888, с. 344–381; Булычев, А. А.: Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа. In: Литература Древней Руси: Источниковедение. Ленинград, 1988, с. 187–196; Баранкова, Г. С. – Белякова, Е. В.: Влияние византийских канонических и учительных текстов на славяно-русскую литературную традицию. In: Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Москва: Отделение историко-филологических наук РАН – Институт этнологии и антропологии РАН, 2015, с. 464.

³⁵ Иосиф, патр.: Поучение великого господина святейшего Иосифа патриарха Московского и всей великия Русии архиереем, и священноином и мирским иереем и всему священному чину. Москва, 1642, л. 14–14 об.

³⁶ Высоцкий, Н. Ф.: Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. Казань: Типография Императорского университета, 1879, с. 6; Васильев, К. Г. – Сегал, А. Е.: История эпидемий в России..., с. 75–78.

³⁷ Патриарх Никон: Труды. Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В. В. Шмидта. Москва: Издательство Московского университета, 2004.

Подводя итог, можно отметить, что трактовка разного рода бедствий как проявление Божьего гнева проходит через всю русскую средневековую письменность и переходит в печатные издания нового времени. Наказанию подвержены не отдельные люди, а гнев приходит на всю землю. Несмотря на повторявшиеся со стороны епископата призывы к покаянию, во время бедствий имел место поиск виновных и расправа над ними. Здесь соединялись архаичные, идущие от язычества, и христианские представления. В русской книжности сложился концепт о наказании земли за грехи правителей. Другой, более книжный характер, имел концепт о виновности епископов в несохранении церковных правил.

Жестокие меры, предпринимавшиеся в раннее новое время с целью ограничения распространения моров, шли во многом в разрез с традиционными концепциями и не стали в этот период предметом культурного осмысления.

„Preto na nás prišiel Boží hnev, mnohé tresty aj posledný súd“
(k problematike chápania krízových situácií v pravoslávnej literárnej tradícii)

Jelena V. Beľakovová

Článok sa venuje téme Božieho trestu v staroruskej písomnej kultúre, v ktorej sa kombinuje archaické a kresťanské vnímanie sveta. Podľa interpretovaný prameňov tvrdia, že „Boží hnev“ prichádza ako odplata za nedodržiavanie prikázaní, zatiaľ čo trest príde nie na jednotlivca, ale na celú Zem. Zem je Bohom potrestaná i za hriechy vladárov. Z byzantskej literárnej tradície sa rozšírila aj predstava o tom, že za nedodržiavanie prikázaní zodpovedá biskup, čo sa odrazilo aj v rukopisnom i tlačenom texte ruskej Kormčej knihy. V Ponaučení biskupom sa opakovane poukazovalo na potrebu pokánia, no prakticky sa spravidla hľadal vienník konkrétnej krízy, nešťastia či prírodnej katastrofy. V 16. storočí sa v spojení s morovou epidémiou začali prísne uplatňovať karanténne opatrenia, ktoré boli v rozpore s konvenčným vnímaním sveta. Práve patriarcha Jozef a patriarcha Nikon vo svojich ponaučeniaciach vysvetľujú spôsoby prekonávania krízy a epidémie.